

УДК 94(571.1)

«КАК ХОРОШО ЖИТЬ И ЛЮБИТЬ...»: ОБРАЗ СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВЕТСКОГО ХУДОЖНИКА К.Н. ЩЕКОВОТА (30-Е ГГ. XX В.)

Левина Ж.Е.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет» Минобрнауки России, Омск, Россия (644099, наб. им. Тухачевского, 14) levina1@yandex.ru

В работе дан анализ особенностей представлений о счастливой жизни молодого омского художника, приехавшего «покорять столицу» в предвоенные 30-е гг. XX в. Показано, что эквивалентом счастья для одного из представителей советской художественной интеллигенции являлось создание традиционной семьи. Выявлено, что к основным составляющим идеального образа можно отнести сочетание витальных, социальных, моральных, эстетических ценностей, характерных для традиционного типа культуры. Сложность и многомерность объекта исследования определяет использование комплексного подхода к познанию историко-культурных явлений, позволяющего применять достижения различных исследовательских направлений, имеющих свою сферу изучения. Наиболее продуктивным является синтез возможностей позитивизма и идей и методологических принципов историко-антропологического, семиотического, синергетического подходов. В научный оборот вводится ряд ранее неиспользованных источников личного происхождения.

Ключевые слова: отечественная история, история повседневности, советская художественная интеллигенция, ценности, семья, позитивизм, историко-антропологический подход.

« IT IS SO GOOD TO LIVE AND LOVE ... »: THE IMAGE OF A HAPPY LIFE IN A SOVIET ARTIST K.N. SHCHEKOTOV'S UNDERSTANDING IN 1930S

Levina Z.E.

Federal State-Funded Educational Institution of Highest Vocational Education "Omsk State Pedagogical University" of Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Omsk, Russia (644099, Naberezhnaya Tukhachevskogo, 14), levina1@yandex.ru

The analysis of peculiarities of happy life understanding that a young Omsk artist had when he arrived «to conquer the capital» in the pre-war period of 1930s has been given in this work. It was shown that the equivalent of happiness for one of the representatives of the Soviet artistic intelligentsia was the creation of traditional family. It was revealed that the basic components of an ideal image are the combination of vital, social, moral and aesthetic values that are specific for traditional type of culture. Complexity and multidimensionality of the research object determines the use of the complex approach to knowledge of the historical and cultural phenomena, which allows to apply the achievements of the various research directions having their own sphere of studying. The synthesis of opportunities of positivism and ideas and methodological principles of historical and anthropological, semiotic, synergetic approaches is considered to be the most productive. A number of sources of a personal origin never used before was introduced into scientific use.

Keywords: Russian history, history of daily life, Soviet artistic intelligentsia, values, family, positivism, historical and anthropological approach.

Актуальность работы определяется обращением к теме, которая сравнительно недавно стала исследоваться отечественной исторической наукой и является в определенном смысле малоизученной. Изучение динамики семейных ценностей в пограничной ситуации, интересно и в контексте современных усилий, направленных на сохранение и укрепление этого общественного института. Целью работы является реконструкция приоритетных представлений советского человека о частной, семейной жизни, на примере одного из представителей поколения, юность которого совпала с революционными изменениями во всех сферах общества. Сложность и многомерность объекта исследования определяет

использование комплексного подхода к познанию историко-культурных явлений, позволяющего применять достижения различных исследовательских направлений, имеющих свою сферу изучения. Наиболее продуктивным представляется использование возможностей позитивизма и идей и методологических принципов историко-антропологического, семиотического, синергетического подходов. Подобный синтез позволяет сфокусировать внимание не только на социальных структурах или на человеческом сознании и поведении, но выявляет способ взаимодействия тех и других в развивающейся общественной системе и в изменяющейся культурной среде, которая эту систему оправдывает и поддерживает. Особое внимание уделяется введению в научный оборот ранее не использовавшихся материалов архивных фондов.

На рубеже XX –XXI вв. проблемы частной жизни и семьи достаточно прочно входят в круг исследовательских интересов отечественных историков. Особенности семейных и даже интимных отношений реконструируются, в основном, на базе законодательных и статистических источников, программных и директивных документов партии и правительства, публицистических и художественных произведений. Источники личного происхождения являются крайне редкими. [3] В этой связи, особого внимания заслуживает созданный в историческом архиве Омской области фонд художника К.Н. Щекотова, содержащий письма разных лет к жене, Ольге Пухальской. [1]

В письмах Щекотова 30-х годов можно выделить два сосуществующих и взаимодополняющих плана. Традиционное для эпистолярного жанра описание ежедневной реальности соседствует с достаточно реалистичным в своих деталях представлением о будущем, к которому можно и нужно прийти, выдержав испытание настоящим.

Эквивалентом счастья для молодого художника является безоблачное существование с любимой женщиной: «Как хорошо жить и любить. ... Мы, родная, будем жить друг для друга, ведь да?» (1935), «..ты для меня мечта моего будущего счастья» (1936), «И мы с тобой имеем право на такую же спокойную счастливую жизнь, ведь правда, родная? Я полон веры, что все будет хорошо, да иначе и быть не может, чтобы мы не были с тобой счастливы, раз мы так сильно любим друг друга.» (15.11.1936) [1, л. 71, 19, 14] Огромное значение в отношениях любящих людей имеет интимная сфера. Любовь для Щекотова отнюдь «не вздохи на скамейке и не мечтанья при луне». Акцентируется, что вполне естественно для молодого мужчины чувственная сторона любовного союза. Послания имеют отчетливую эротическую окраску. Описание этой составляющей счастливой жизни, представлено достаточно подробно: «Как радостно получать твои строчки, как я люблю их читать и, читая их, мысленно ласкать тебя, мою кошечку», «...какое блаженство будем испытывать от нашей взаимной близости, ведь да!», « Я почти все время мечтаю о нашей будущей любви, как мы

будем опять ласкать друг друга», «...теперь, когда близка наша встреча я все время мечтаю о тебе, безумно скучаю о тебе, каждый кусочек твоего тельца передо мной, как я целовал его, при мысли об этом мне так хочется обладать им, ласкать тебя, прижать сильно к себе. Боже мой! Как же я люблю тебя, я не нахожу себе места, хочу скорее тебя мою родную, мою девочку, мою Олечку», «...а после этого сколько сладости, сколько страсти, сколько счастья. Ты будешь засыпать у меня на плече, а я буду смотреть на тебя, буду любоваться своей любимой». Образ плотских наслаждений в письмах не свободен от штампов: «О! Я даже не могу представить о том счастье, которое будет у нас с тобой. Мы сгорим от страсти, от любви, моя любимая». «Ведь я весь твой, твой Костик навсегда твой и скоро так сильно буду тебя ласкать и любить». [1, л.7,11,14, 4,5,71] Желаемым, ожидаемым, планируемым плодом такой любви должны стать дети. Никаких скидок на материальные трудности, необходимость карьерного роста: «Какое счастье будет у нас, а если еще маленький родится, у меня тогда будет 2 ребеночка. Моя маленькая Оленька и моя совсем маленькая Оленька». [1, л.71] Представления о физических достоинствах полностью отвечают эротическим мечтаниям. Красота ассоциируется, прежде всего, со здоровьем. Показателем здоровья является полнота: «...чтобы ты поправлялась и была полненькая, как на фото». [1, л. 12]

Жену Щекотов представлял не только как домохозяйку, воспитывающую детей. «Перед тобой сейчас две задачи: быть здоровой и жизнерадостной, учиться, быть современной и приобретать культуру, а между этим радостно мечтать о нашей взаимной любви». В духе времени он планировал ее самореализацию и в других областях. «Ты поступишь учиться, у тебя будут свои дела, свои деловые интересы и ты будешь счастлива ведь да, милая?». Счастье, как глобальная цель, не является для Щекотова чем-то умозрительным, подобно маниловским планам или обломовским грезам. Автор достаточно четко определяет для себя и своей любимой условия реализации мечты. Одной из основных проблем для молодых людей, находящихся в длительной разлуке, является доверие. «Почему у тебя такое недоверие до сих пор?... Я верю в тебя, в твою честную хорошую нежную душу, в твое горячее сердце, которое своей безукоризненной нежной любовью может дать желаемое. Как хорошо взаимно любить друг друга и верить, самое главное верить в откровенность своего друга, а ты вот мне не веришь, и даже не объясняешь своего недоверия, а отвечаешь минутной кривизной мысли своего воображения». Показательно отсутствие обвинений и обид. На первый план выходит стремление разобраться в причинах поведения своей любимой и найти во всем положительные моменты: «Ты знаешь, любимая, мне иногда кажется, что в твоем недоверии ко мне есть то, что ты вообще трезво относишься к жизненным поступкам и веришь слову вполне только в действии». Возникшие сложности являются, по мнению Щекотова, не просто вполне преодолимыми, но и мотивирующими для

дальнейшего самосовершенствования: «...Я знаю свои душевные качества и уверен в своем постоянстве и если ты сейчас испытываешь иногда недоверие к моим словам, то я постараюсь доказать тебе их правдивость на жизненной правде. И тогда еще больше меня будешь любить, ведь да?». Семейные отношения понимаются автором, прежде всего, как взаимная ответственность. Молодой человек не поощряет женского кокетства и, возможно, желания вызвать ревность у супруга сообщениями о большом количестве воздыхателей: «Ты пишешь, что вокруг тебя много поклонников. Вообще говоря, я отношусь к этому слову в его отрицательном смысле, но ведь я верю тебе, что ты будешь хорошей, а если я верю, значит, я спокоен за тебя». Показателен и взвешенный, полный уважения к любимой и ее слабостям совет о решении этой проблемы: «Вопрос твой, родная (почему ты не можешь ответить артисту, который за тобой ухаживает) мне именно не понятен. По-моему, ты должна сказать, что подсказывает твое внутреннее чувство, а если он до сих пор надеется на твою благожелательность, значит, ты не дала еще ему почувствовать противоположное. Это по отношению к нему не хорошо. В этом отношении мне трудно убеждать тебя, ты ведь сама знаешь, что нужно». Находится и объяснение, и лекарство от, возможно, легкомысленного настроения любимой: «Твои немного безрассудные шалости я объясняю молодостью и неопытностью в жизни». Автор уверен во взаимном чувстве: «Но, если мы сильно любим друг друга, то всегда преодолеем бремя разлуки и будем беречь нашу ласку для нашей любви». [1, л. 1,6,18,19,11]

Одним из условий хороших отношений между супругами Щекотов считает правильное окружение, круг общения: «Я рад, что ты теперь дружишь с хорошей девушкой, а не с этой взбалмошной Никой, которая могла дать тебе только плохое. Взаимная хорошая дружба это замечательная вещь, дающая очень много в жизни». Сам Щекотов, видимо, был довольно жестким в общении. В письмах художника нет характеристики его окружения. Создается впечатление, что в суеете столичной жизни он оставался один на один со своими интересами и проблемами, по-настоящему общаясь только с женой, оставленной в далеком сибирском городе: «Я здесь среди миллионного народа, а близостью я только с тобой...». «Ведь мне тоже надоело одному здесь» (1936г.) Все окружающие делятся автором на знакомых и друзей, причем друзей среди всего окружения единицы. Щекотов упоминает только об одном друге, с которым он учился и работал вместе. «У меня тоже есть друг, с которым я учился и много лет работал, но в данное время условия не позволяют работать вместе, а творческий контакт многому помогает, как говорится – один ум хорошо, а два еще лучше». Общение и совместное творчество с близким по духу человеком и в данном случае были недоступными, опять-таки из-за условий жизни: «Мы с ним вот уже несколько

последних лет мечтаем работать вместе и пока еще не осуществили свои намерения». [1, л. 11,12]

Большое внимание Щекотов уделял материальной стороне существования, видя в достойном уровне жизни основу счастливого будущего. Основной целью в этой сфере было обретение собственной жилплощади в столице. Причем, не следуя народной мудрости «с милым рай и в шалаше», Щекотов не только ставил, но и считал вполне решаемой для себя задачу приобретения хорошей квартиры в центре города. В начале 1935 г. он писал: «Квартира в центре за год 2400 руб. Но это я как-нибудь соберу. Как раз такое время, февраль месяц, когда главным образом отправляют в командировки на Дальний Восток и потому много брони. Мы будем жить в хороших условиях в центре и, главное, нам никто не будет мешать». В октябре 1935 г. планы подверглись корректировке, стали более скромными, возможно, более реальными: «Я сейчас живу одной мыслью: скорее достать комнату и я действую сколько хватает сил...Я жду со дня на день новых предложений и, если, в крайнем случае, не будет возможным достать в Москве, то сниму или куплю на даче вблизи города, пока временно, а потом сменяемся». Кроме этой главной цели Щекотов заботился и об удовлетворении менее затратных потребностей, поощряя, в частности, любовь жены к нарядам: «Послал я тебе на платье шерсти, тебе, наверное, не понравится, что она в полоску, но родная, другой не было лучше, сколько я ходил, не достал гладкой. А теперь уже конец года и эта уже последняя была. Решил взять». В стремлении угодить любимой, художник, видимо, научился хорошо разбираться в качестве отдельных элементов женского гардероба: «Ведь шубочку я тебе хорошую купил?». В модных тенденциях: «Кофточки есть, но плохие». А также в особенностях советской торговли: «С января будут лучше, тогда и возьму». Необходимо было также отправлять в Омск и деньги на повседневные расходы: «...пиши, получила ли ты деньги, посланные на твою квартиру». В качестве подарков фигурировали и особенные, недоступные в провинции, продукты, фрукты, сладости: «В ближайшие дни пошлю тебе маленькую посылочку. Пошлю тебе немного какао...», «Кушай шоколад и апельсины...», «...я послал тебе какао. Пиши, получила ли ты все это». [1, л.71,5,6,14]

Всю ответственность за реализацию планов, за счастье свое и своей семьи, Щекотов брал на себя, считая, что безустанная профессиональная работа, безусловно, позволит добиться любой цели, решить самые трудные задачи. Щекотов большую часть времени тратил на работу, дававшую возможность удовлетворить материальные потребности. Эта тема постоянной деятельности рефреном проходит в письмах 30-годов: «У нас будут деньги. Я буду много работать, сейчас я нашел хорошую работу, которую можно делать дома. ... Можно спокойно заработать хорошие деньги», «Такая масса работы и все срочно, особенно

последние дни, пришлось не спать несколько ночей, работал по 22 часа в сутки», «для материального благополучия работаю по отдельным заказам». На первый план выходили профессиональные навыки, позволяющие эффективно планировать и использовать время: «ты не представляешь, какая бешеная работа была у меня... я буквально разрывался на части. Дней восемь приходилось спать только часа 2-3, а последние 3 дня совсем не спал, работал круглые 24 часа и везде успел, и не верилось. Помогали: большое упорство и быстрота в работе», «провожаю время в какой-то непрерывной занятости», «я так занят, времени не хватает...все срочно, особенно последние дни, пришлось не спать несколько ночей, работал по 22 часа в сутки». [2] Соответственно, К. Щекотов крайне отрицательно относился ко всяким государственным кампаниям, ущемлявшим личные интересы, расстраивавшим его собственные планы и отдалявших достижение заветной мечты: «...возможно командирование нашего театра на Дальний Восток в Хабаровск, для обслуживания дальневосточной Красной Армии. Это требование ЦК партии, отказаться театр не может. Но я думаю как-нибудь отбаяриться, если мне это удастся». В стремлении обеспечить, побаловать близких, Щекотов не всегда рассчитывал свои силы, поэтому в одном абзаце могло соседствовать и сообщение о подарках, и просьбы о материальной помощи: «...я тебе писал, что нужны деньги...». Показателен и способ решения собственных финансовых проблем, традиционный для интеллигенции и студентов: «...но если ничего не получится сделать, я продам свое пальто, и потом буду занимать. Ведь потом все равно будут деньги». [1, Л.7,11,6]

Понимание духовной сферы брака Щекотова во многом соответствует канонам православной церкви, зафиксированных в известных текстах «Творения иже во святых отца нашего И. Златоуста, архиепископа Константинопольского» (IV в.) и «Домострой». (XVI в.) Согласно учению св. Иоанна Златоуста, муж должен «заботиться о своей жене, как Христос о Церкви. Хотя бы нужно было отдать за нее душу свою, хотя бы пришлось испытать многократные потери, потерпев что-нибудь тяжкое, ты не должен, – говорит он мужу, – отказываться; ибо, претерпев все это, ты еще не сделаешь ничего подобного тому, что сделал Христос для Церкви». Муж – не только моральная сила семьи, но и ее высший суд, строгий и мудрый. При всяком удобном случае, во всех обстоятельствах жизни он внимательно наблюдает за поведением жены, указывает ей ее обязанности. Залогом успешного нравственного совершенствования жены могут быть только его любовь и благосклонность. «Домострой» называет обязанности супругов. Отец семейства должен быть духовным наставником в доме, делить со своей женой обязанности, заниматься военными, хозяйственными, торговыми делами вне дома. Супруги должны советоваться, каждый о своих делах и спрашивать одобрения друг у друга и эти советы должны быть тайной и не

разглашаться на стороне. [5, с. 65-66] Отношение Щекотова к материальным вопросам не отвечает канонам православия. И. Златоуст предлагает способ вразумления мужем жены. Если «жена твоя любит украшения, пышные наряды, многоречива, своенравна», то сперва лиши ее намащений (косметики), употребляя для этого убеждения и ласки. Говори, что за это осуждают ее другие, чаще напоминай ей, что тебе не только не нравится такое украшение лица, а напротив, очень неприятно. Уверь, что она тебе более нравится в том виде, в каком сотворил ее Бог. Не переставай повторять слов своих, но не с враждою, а с любовью. Тогда не увидишь более ни обезображенного лица, ни кроваво-красных губ, ни бровей, очерченных сажей, как бы от прикосновения к очагу, ни ланит, подобных стенам гробов покрашенных. Исправив сей порок, муж может переходить к золотым украшениям и рассуждать о них подобным же образом. Вразумляя так мало-помалу свою жену, муж уподобляется искусному и терпеливому земледельцу». [5, с.68-69] И уж совсем противоречат православным нормам представления о сексуальных отношениях в браке. И.Златоуст учил, что жена должна быть целомудренной, чистой. «Она обручена мужу не для удовлетворения его нечистых удовольствий, но для общения, рождения детей, помощи мужу». [5, с.68-69] Святитель Игнатий (Брянчанинов) (XIX в.) включал в восемь главных страстей «блудные мечтания и пленения», а добродетелью, противоположной любодеянию считал целомудрие, которое заключалось не только в уклонении от всякого рода блудных дел, но и в «отвержение помышлений и мечтаний блудных».[4]

Представление о семейном идеале Щекотова отражают соединение на личностном уровне ценностей различных культур. Гедонистическое начало соседствует с духовно-нравственными убеждениями. П. Сорокин относил такой синтез к идеалистическому типу культуры, в современной науке это определяется как один из признаков постмодернистского типа культуры.

Список литературы

1. Казенное учреждение Омской области «Исторический Архив Омской области» - КУ ИсА, Ф. 3134.Оп.1.Д.46.
2. Левина Ж.Е. Художественная интеллигенция Западной Сибири в системе советской культуры (конец 20-х – 30-е годы XX века). - Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. – С. 205-206.
3. Российская семья: историко-психологический портрет: материалы XXXIV Всеросс. науч. конф. В 2-х ч. – СПб., 2008.
4. Святитель Игнатий (Брянчанинов). В помощь кающимся. <http://www.pravoslavnay.luga47region.ru/showthread.php/1191> (дата обращения 13.07.2015)

5. Форсова В.В. Православные семейные ценности. // СОЦИС - 1997- № 1.

Рецензенты:

Худяков В.Н., д.и.н., профессор, зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет» Минобрнауки России, г. Омск;

Штырбул А.А., д.и.н., профессор кафедры истории, политологии, социологии ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет» Минобрнауки России, г. Омск.